

Лидия Чарская

Генеральская дочка

Лидия Чарская

Генеральская дочка

«Public Domain»

1915

Чарская Л. А.

Генеральская дочка / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1915

Завернув пакет с револьвером и зарядами для большей осторожности в носовой платок, Мура за неимением кармана несет его в руках, прижимая крепко, как сокровище, к сердцу. О, она так счастлива! Покупка обошлась вдвое дешевле, чем она предполагала, и еще осталась немалая сумма из данных ей ее «птичками» перед отъездом на мелкие расходы денег. А главное – все обошлось так просто, без всяких препятствий.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лидия Алексеевна Чарская

Генеральская дочка

Глава первая

– Да, положение не из приятных, – произнес высокий седой военный в генеральской форме. – Что ты скажешь на это, Мари?

Та, которую звали Мари, худенькая, маленькая, болезненного вида женщина, подняла усталые глаза на мужа и улыбнулась доброй улыбкой.

– Конечно, если бы Мурочка не была так непосредственна... – тихо прозвучал голос маленькой генеральши, и она отложила в сторону газету, которую читала.

– Ты называешь это непосредственностью? Гм?! – И генерал Раевский неожиданно весело расхохотался. – Дорогая Мари, я всегда говорил, что ты была слишком снисходительна к девочке, – продолжал он через минуту. – Постоянно спуская Муре все ее маленькие погрешности и недочеты, ты сделала только то, что к шестнадцати годам из нее вышла не благовоспитанная, корректная барышня, а какой-то отчаянный сорвиголова-мальчишка. Ведь ни на один день ее нельзя оставить одну. И что за неприятное положение у нас теперь создается благодаря невыдержанности этой девочки! Мне необходимо ехать в Карлсбад лечить мои больные почки, тебе – в Биарриц восстанавливать издерганную за время твоей неутомимой благотворительной деятельности нервную систему, а девочку положительно не с кем оставить здесь. Взять же ее с собою значило бы подвергнуть себя утроенным расходам, а ты сама знаешь, что, живя на одно мое жалование и не имея свободных средств, мы не можем позволять себе тратить много денег. Да и, кроме того, что же это будет за лечение, если нам придется постоянно думать о том, чтобы наша проказница не свернула себе шею в то время, пока мы будем брать ванны или отдыхать после массажа. Ох уж эти мне баловницы маменьки! Балуют детей напропалую, а потом и сами не знают, что делать с ними.

Бледное худенькое лицо Марии Павловны тонко улыбнулось в ответ на тираду мужа.

«Не сам ли он, этот, так бурно возмущающийся сейчас Мурочкиными шалостями и ее чрезмерной живостью, Леонид Федорович души не чает в своей дочурке и, уж во всяком случае, не менее ее, матери, вносит дань отеческого баловства и огромную дозу снисходительности по отношению к шалунье. Ведь не было еще случая, чтобы генерал запретил что-либо своей Мурочке. Неоспоримым деспотом росла девочка в семье. Хорошо еще, что сама по себе натура Мурочки являлась в высшей степени благородной и честной и девочка обладала к тому же добрым сердцем, а то бог ведает, что могло бы выйти из нее!»

На этой мысли генеральша Раевская снова взялась за прерванное чтение газеты.

Вдруг глаза ее приковались к огромным буквам объявления, напечатанного на самом видном месте. Такого странного объявления Мария Павловна еще не встречала за всю свою долгую сорокапятилетнюю жизнь. **«Пансион хорошего тона исключительно для девиц благородного происхождения»** – гласили напечатанные жирным шрифтом строки. «В семинедельный срок за весьма умеренное вознаграждение обучаю молодых девиц хорошему тону и светским манерам под руководством опытной наставницы. Принимаю воспитанниц на полный пансион. Прекрасный здоровый домашний стол. Постоянное наблюдение наставниц. Местоположение крайне благоприятное для здоровья. Дачный чистый воздух. Сосны. Пески. Море. Граница Финляндии. По Приморской дороге. Станция Дюны. Обращаться за справками лично к директрисе пансиона m-me Sept».

По мере того как глаза маленькой генеральши пробежали эти строки, легкий румянец разлился по ее бледным щекам, а губы сложились в довольную улыбку.

– Вот, прочти, – сказала она, протягивая газету мужу.

Леонид Федорович так же быстро пробежал строки объявления и поднял на жену удивленный взгляд.

– Насколько я тебя понял, Мари, ты хочешь на время нашего отъезда поместить в этот удивительный пансион нашу Мурочку?

– А почему бы и нет? Ты, разумеется, должен будешь съездить туда сам и предварительно узнать, насколько может быть уместно пребывание там нашей дочери. Конечно, было бы лучше устроить Муру у кого-нибудь из родных, но в данном случае мы с тобой несчастливые люди; у нас не осталось в живых никого из близких родственников, а с нашими дальними кузенами и кузинами мы, в сущности, так мало знакомы, что было бы несколько рискованно отягощать их заботами о девочке, уже одно присутствие которой в доме ведет за собой некоторое беспокойство. Пансион же в таких случаях незаменим. Он не несет с собой никаких других обязательств, кроме денежных, и я, в сущности, рада, что это объявление попало мне на глаза.

– Ты права, дорогая Мария, – поспешил согласиться с женой генерал Раевский, – но я все-таки не могу представить себе нашу девочку в чужой, новой для нее обстановке, одну среди незнакомых людей! – И при этих словах лицо Леонида Федоровича приняло озабоченное выражение.

Мария Павловна улыбнулась.

– Ты забываешь, мой друг, – сказала она, – что этой девочке пошел уже семнадцатый год и что она окончила гимназию. Стало быть, надо смотреть на нее как на взрослую...

– Но не как на благоразумную взрослую, во всяком случае? – усмехнулся генерал.

– ... Не как на благоразумную, согласна, – подтвердила его жена, – и, имея в виду именно это обстоятельство, я и подумала о том, что хорошо было бы отправить в пансион вместе с нашей Мурочкой и Досю. Во-первых, этим мы не разлучим двух неразлучных подруг, а во-вторых, Досинога благоразумия на двоих хватит, не правда ли?

– Блестящая идея, что и говорить. И чем скорее мы осуществим ее, хотя бы пока только в проекте, тем лучше, – совсем уже весело произнес генерал и, подойдя к звонку, нажал электрическую кнопку.

– Пригласи сюда обеих барышень, Спиридонов, – сказал он вытянувшемуся перед ним денщику.

– Слушаю, ваше высокопревосходительство! – отрапортовал тот и так же быстро исчез, как и появился, словно проваливаясь под землю.

С минуту в гостиной царила полная тишина. Затем послышались торопливые шаги за дверью. Громкое постукивание каблучками, звонкий девичий хохот и неистово-радостный собачий лай...

Глава вторая

Дверь в гостиную распахнулась настежь. Из-за тяжелой портьеры вынырнули два рыжих сеттера и белый пушистый шпиц. С тем же оглушительным лаем ринулись они со всех ног к своим хозяевам, а следом за собаками появилось небольшого роста растрепанное юное существо со смуглым неправильным личиком, крупным носом и припухлыми губками. Неправильность этого некрасивого личика вполне, однако, искупали веселые, сияющие жизнью и задором серые глаза да сверкающие в улыбке, ослепительно белые зубы.

С косым пробором в густых, черных, всегда растрепанных волосах, с задорной усмешкой и смелым выражением в шаловливом личике. Мура Раевская действительно походила скорее на разбитного проказника-мальчугана, нежели на взрослую, закончившую курс учения барышню.

Широкая синяя мужская матроска (девушка не признавала никаких корсетов, говоря, что они только стесняют ее движения) с белым воротником довершала это сходство.

– Вот и мы. Дорогим родителям почтение и привет! Бард, Леди! Тубо! Назад! Пушок! Ах, несносные собаки, они испортят моей крошке мамусеньке ее плюшевый капот, – веселым, громким голосом кричала Мура, умудряясь одновременно и целовать щеки матери, и пожимать руку отца, и энергичными движениями свободной руки отталкивать льнувших к хозяевам собак, слишком уж неистово выражавших свой восторг. С минуты появления этой смуглой, веселой, жизнерадостной девушки, казалось, сразу ожили строгие стены чопорной гостиной, точно сама фея юности выпорхнула из-за тяжелой портьеры, наполнив комнату смехом и радостью, заставив раздвинуться в улыбку губы старика-отца и заметно помолодеть увядшим чертам матери.

– Ну, птички мои, зачем вы звали меня? – беспечно смеясь, спрашивала Мура.

– Кто это птички? Мы-то? Нечего сказать, хороша стрекоза! – притворно сердито хмурясь, произнес генерал. – Следовало бы вам несколько почтительнее относиться к вашим престарелым родителям, сударыня, – начал было Леонид Федорович недовольным голосом и тут же оборвал свою речь на полужеле. С быстротой вихря кинулась Мура на шею отцу.

– Паписька мой седенький, паписька мой славенький, любименький, пригоженький, хорошенький мой! – залепетала она. – Пожалуйста, не вздумай только читать мне нотации нынче. Пожалей свою Мурку. Посмотри, как славно светит солнышко, как сияет голубое небо и какое весеннее настроение у твоей дочурки. Право же, грешно портить его. – И говоря это, Мура со смехом покрывала поцелуями глаза, щеки, лоб и губы отца.

– Да полно тебе, Мурочка, – вмешалась, наконец, Марья Павловна, – дай хоть слово сказать. Садись и слушай, нам нужно переговорить с тобой о серьезном деле. Мы с отцом решили на время нашей заграничной поездки поместить тебя в пансион. Вот в этот самый пансион, прочти о нем объявление. – И маленькая генеральша протянула газету дочери.

Смех Мурочки оборвался сразу. Смуглое лицо вытянулось.

– Ага, пансион! Значит, дело принимает наисерьезнейший оборот, как видно, – протянула она комическим тоном и с видом вполне благовоспитанной барышни, сложив ручки на коленях, уселась в кресло, положив газету перед собой на столе. – Дося! Дося! – крикнула через минуту Мура появившейся на пороге гостиной белокурой девушке с рыжеватым оттенком волос и ослепительно белой кожей блондинки. Все существо этой девушки дышало врожденной грацией и изяществом. А между тем девушка эта была сиротою умершего пятнадцать лет назад простого солдата и поденщицы прачки. В документах рыженькой Доси значилось: «дочь отставного ефрейтора N-ского пехотного полка Евдокия Петрова Кирилова».

Лет двадцать тому назад, когда генерал Раевский был еще в чине капитана, полк, где служил Леонид Федорович, стоял в глухих дебрях Кавказа. Солдат Петр Кирилов взят был капита-

ном в денщики. Вместе со своим офицером начальником Кирилов часто совершал экскурсии в горы. В одну из таких прогулок несколько человек горных разбойников напали на Раевского, и – не подоспей к нему на помощь его верный денщик – лежать бы капитану Раевскому с воткну-тым в сердце разбойничьим кинжалом на дне одной из бесчисленных дагестанских пропастей. Но Петр Кирилов, закрыв своей фигурой начальника, принял на себя удар, предназначенный ему, и этим спас жизнь Раевскому. Леонид Федорович никогда и впоследствии не забывал этой услуги. Он оставил у себя в доме раненого солдата, и с этого самого дня офицер и денщик стали неразлучны. После отслуженного им по солдатскому положению срока Петр продолжал службу у Раевского. Вскоре оба женились, почти одновременно. В обоих семьях родилось по маленькой девочке. Свирепствовавшая одно время на юге России холера унесла в один день Петра Кирилова и его жену, и его маленькая дочурка осталась круглой сиротой на попечении Раевских. Леонид Федорович и его жена воспитали маленькую сиротку, дочь солдата, наравне с собственной дочерью Мурочкой, а когда подошло время, поместили ее вместе с Мурой в гимназию, в один и тот же класс.

Этим Раевский хотел, хотя бы отчасти, отблагодарить покойного слугу-друга за свое спасение.

Таким образом, за услугу, оказанную ее отцом Леониду Федоровичу Раевскому, Дося была воспитана, как настоящая барышня, ничуть не хуже Муры. И молодая девушка платила беззаветной преданностью своим благодетелям за все заботы о ней и любила их и свою подругу Мурочку больше всего на свете.

* * *

– Так вот оно, как обстоит дело! Мои милые, дорогие птички, улетаю в чужие края, отправляют нас в какой-то пансион «хорошего тона». Ну, и прехитрые же вы, мои дорогие паписька и мамиська; под фирмой отъезда и лечения за границей хотите научить вашу Мурку хорошему тону и светским манерам. Ха-ха-ха! – Мура засмеялась так громко, что и белый Пушок, и рыжие сеттеры ужасно взволновались, стараясь проявить во что бы то ни стало полную солидарность во взглядах с их молодой хозяйкой. От их неудержного лая как будто все зазвенело и загремело в строгой генеральской гостиной.

Внезапно внимание Мурочки перешло на собак, и новая мысль мелькает в черненькой головке девушки.

– Хорошо, я согласна ехать в этот противный пансион, но только в том случае, если со мною туда отправят Барда, Пушка и Леди! – решает она внезапно безапелляционным тоном.

– Ого, какое скромное желание! – не мог не улыбнуться генерал.

– Мурочка, дитя мое, это не совсем удобно, – тихо протестует маленькая генеральша.

– В таком случае и я не поеду. Я остаюсь. Серые глаза мечут искры из-под черных ресниц. Упрямо складываются пухлые губки. И скрещиваются по-наполеоновски смуглые руки на груди.

– Мура, детка моя, – с укором роняет мать, уже предчувствуя бурю.

– Послушай, Мура, – вмешивается Дося, и серьезные, строгие глаза девушки останавливаются на лице ее юной подруги, – если ты решаешь взять с собой в пансион всю эту свору, я, в свою очередь, останусь здесь и не поеду с тобой. – И лицо рыженькой Доси принимает самое энергичное выражение.

– Ты?

Мура недоверчиво улыбается.

– Да, я... Достаточно было возни с ними и в прошлом году на даче. Помилуй! Пушок пропал, его едва отыскивали. Помнишь? А эта глупая Леди едва не попала под поезд. Сколько

волнений мы тогда перенесли из-за них! Слуга покорный, я не хочу повторения прошлогодней истории. Итак, выбирай: или ты едешь с твоими четвероногими друзьями, или...

– С тобой! С тобой! – не дав ей закончить, кричит Мурочка и бросается со смехом на грудь подруги. И вся гостиная как будто снова оживает и смеется заодно с нею.

Глава третья

Как медленно, как убийственно медленно тянется этот несносный поезд! Маленькие неуклюжие вагоны Приморской дороги ползут, едва-едва подвигаясь вперед. Мура Раевская с грустным, против обыкновения, задумчивым личиком приютилась в уголку вагона.

Сегодня с утренним поездом ее родители уехали за границу. Это ее первая продолжительная разлука с ними. Два месяца! Бесконечные два месяца придется провести без них Мурочке! И с душою, смятой только что пережитыми грустными впечатлениями, она замерла в своем уголку, не отрывая печального взора от окна.

Около нее приютилась ее верная подруга Дося. Последняя кажется спокойнее Мурочки, хотя и у нее невесело на душе. Досе, как более благоразумной и серьезной девушке, поручили Мурочку. При расставании с нею генеральша Мария Павловна повторила Досе несколько раз:

– На тебя вся надежда, Досичка, побереги Муру в чужом месте. Ты одна имеешь на нее влияние и умеешь сдерживать ее порывы. Мы с мужем надеемся на тебя.

Ах, хорошо им было надеяться, а каково будет ей – Досе – оправдать это лестное доверие к ней ее благодетелей! Уже с самого утра нынче Мура, как нарочно, проявляет нежелательное упрямство и резко выражаемую так некстати самостоятельность. Что же будет потом?!

* * *

Несколько раз до своего отъезда генерал Раевский побывал в Дюнах, в пансионе «хорошего тона», и, по-видимому, вынес оттуда самое благоприятное впечатление. И madame Sept, директриса пансиона, пожилая француженка, и ее сестра-помощница очень понравились генералу. Не менее понравился и самый состав барышень воспитанниц, и красивое, здоровое местоположение пансионной дачи. И если бы только не одно обстоятельство, волновавшее Леонида Федоровича, лучшего нечего было и желать для его любимицы-дочки. Но это обстоятельство, крайне щекотливого характера, о котором он предпочел умолчать дома, портило все дело. В первую же встречу с Раевским, узнав от него о поступлении к ней двух девушек вместо одной, причем одной из них не девицы «благородного происхождения», а простой солдатской дочери, madame Sept энергично запротестовала против принятия в свой пансион Доси.

– В наше воспитательное заведение имеют доступ только барышни из лучших интеллигентных семейств и непременно дворянского происхождения; а если и допускается исключение, то в самых редких случаях, – экспансивно жестикулируя, говорила француженка, – и я смею просить, mon general, избавить меня от компромисса.

Но Леонид Федорович Раевский от «компромисса» почтенную директрису не избавил, а только значительно увеличил сумму гонорара за право поступления Доси в ее фешенебельное заведение, и madame Sept поневоле примирилась с неизбежным злом. Оставалось только доставить в пансион обеих девушек. Их поручили отвезти туда компаньонке Раевских, Агате Филипповне. Но, возвратившись после проводов родителей с вокзала, Мурочка энергично заявила Агате Филипповне, что они с Досей поедут в Дюны одни. Бедная компаньонка, к сожалению, слишком хорошо знала взбалмошный характер генеральской дочери, чтобы не понять сразу всей тщетности возражений. В этом случае, протестуя больше для очистки совести, Агата Филипповна уже заранее предвидела свое полное поражение. Так оно и случилось. Из ее протеста ничего не вышло, и Мурочка с Досей, забрав с собою весь еще накануне сложенный ими багаж, покатали одни на вокзал Приморской дороги.

Все так же медленно, убийственно скучно тянется поезд. Мимо окон вагона вереницей плывут сосны. Целый лес сосен! Сколько их – этих розовато-коричневых стволов, прямых, как

исполинские свечи, прикрытых мохнатыми шапками своих вершушек, – осталось уже сзади – не сосчитать!

– Мне скучно, Дося, – провожая эти убегающие назад розовые деревья, говорит Мурочка, и все ее смуглое личико комкается в гримасу, предшествующую слезам.

Дося поражена. Она никогда еще не видала плачущей Мурочки, никогда не улавливала в ее голосе этих «ноющих», по собственному Мурочкину выражению, нот. Значит, она действительно тоскует. Значит, ей на самом деле очень тяжело.

В отделении вагона, к счастью, нет сейчас других пассажиров. Слава богу, можно поговорить по душе...

– Я понимаю, как тебе было грустно расставаться с твоими, поверь, мне и самой очень тоскливо без них, – говорит Дося, ласково взяв маленькую смуглую ручку подруги в обе свои. – Но что же нам делать, Мурочка, если так складывается судьба?

– Ужасно она складывается! Ужасно, Дося! – страстным порывом протеста вырывается из уст Мурочки. – Не говоря уже о том, как мне тяжело и тоскливо без моих птичек, я должна еще отправляться в чужое место, к незнакомым людям, да еще, вдобавок ко всему, того и жди, пожалуй, что повторится гимназическая история. Помнишь, как относились ко мне в гимназии? И начальница, и классная дама, и даже кое-кто из подруг. Многие шалости и проказы спускались мне в силу того только, что я имею счастье быть дочерью корпусного командира – генеральской дочкой. То, что не сошло бы с рук другой ученице, мне безусловно прощалось. А учителя? Некоторые из них – ты это помнишь, конечно? – ставили мне очень снисходительные отметки, тогда как за такой же ответ другим ученицам безжалостно сыпали единицами. Вся гимназия, словом, носилась со мною, как с писаной торбой, благодаря папиному высокому положению, его боевым заслугам и безукоризненной службе. Предчувствую, что все это повторится и теперь в этом фешенебельном пансионе. И опять придется быть центром всеобщего внимания и забот, когда совсем этого не заслуживаешь, не стоишь. И когда я подумаю обо всем этом, меня разбирает такая злость и тоска!.. Ах, какая тоска!

– Напрасно, однако, ты злишься и тоскуешь, – засмеялась Дося, – и я не вижу причины портить себе настроение прежде, нежели мы попадем в пансион. Если послушать тебя, то ко мне должны были относиться крайне придирчиво и строго в той же гимназии, так как я дочь простого денщика-солдата. А между тем помнишь, как любили меня там? Просто твое пылкое воображение, Мурочка, разворачивает перед тобой такие фантастические картины, которых, пожалуй, в сущности, и не было никогда, а ты... Мура, что ты? Ты меня не слушаешь совсем? Да что с тобою, наконец, Мурочка?

И карие глаза Доси с выражением неподдельного изумления остановились на лице подруги. Теперь это смуглое подвижное личико, еще несколько минут назад полное уныния и грусти, сияло и улыбалось, сверкая блеском глаз и радостным смехом, похорошевшее до неузнаваемости.

– Придумала! Придумала! – вскакивая с места и хлопая в ладоши, весело вскричала Мура. – Ты только послушай, что я придумала, Дося. Теперь нам будет безумно весело обеим, и два долгих месяца в разлуке с птичками промчатся, как быстрый сон. Ты подумай только, как все мило и будет забавно, когда ты приедешь под видом генеральской дочки с моими документами в пансион, а я с твоими бумагами и метрическим свидетельством Евдокии Кириловой. Вот-то будет потеха! А, какова моя мысль? Хороша, не правда ли? – и Мура залилась своим звонким смехом, которого Дося уже не ожидала услышать так скоро от нее.

– Но...

– Без всяких «но», прошу покорно, милая Досичка. Предупреждаю: всякое «но» отравит мне всю мою радость. А мне снова так хорошо сейчас... Да и к чему эти всякие «но», когда нет ничего нечестного и предосудительного в моей затее. Самая невинная, маленькая шутка!

Только и всего! Неужели же так трудно не портить мне моего светлого настроения? – с досадой заключила Мура, и снова личико ее приняло недавнее задумчивое и недовольное выражение.

А когда задумывалась Мура, казалось, переставало сиять радостное солнце, и серые тучи обволакивали небо. Впрочем, это казалось одним Мурочкиным близким, в том числе и Досе. И чтобы вызвать прежнюю счастливую улыбку на лице своей любимицы, Дося вошла в сделку с собственной совестью.

– Разумеется, шутка самая невинная, строго говоря, и если это развлечет тебя и доставит тебе некоторое удовольствие, то я ничего не имею против нее, – робко начала она, – но...

– Без «но»... Без «но»... Без «но», прошу покорно, госпожа «Но»! – снова весело захотала Мура, бросаясь на шею Досе и покрывая поцелуями ее милое лицо.

– Итак, верные союзницы? Да? Конечно? – протягивая ей свою смуглую руку, смеясь и сверкая оживившимися глазами, спрашивала через минуту Мурочка.

Что оставалось делать благоразумной Досе, как не пожать эту маленькую смуглую ручонку и не закрепить таким образом их новый союз?

Глава четвертая

– Они должны сегодня приехать. Ты приготовила все как следует в комнате генеральской дочери, Эми? – И полная, с густо напудренным лицом и черной пышной фризеткой дама, произнесла эту фразу на безукоризненном французском языке, обратила озабоченный взор на свою собеседницу.

Последняя, худенькая, высохшая, с рано поблекшим лицом, с мечтательными черными глазками под неестественно пышной прической, пожилая девушка отвечала своим обычно робким нерешительным голосом:

- Будь покойна, сестра; все приготовлено, как ты приказала.
- А ковер постлали, тот самый, с пушистым ворсом и пчелками, как я говорила?
- Да, конечно, постлали тот.
- И мраморный умывальник с зеркалом?
- И умывальник, и туалет.

– Надо принести еще и повесить виды Альп из моей комнаты. А на письменный стол я дам мой новый прибор. Я же сама обойдусь со старым. Когда будет повешена последняя картина и последняя статуэтка поставлена на этажерке, позовите меня. Я хочу судить о впечатлении сразу, когда будет готово все, каково выглядит салон.

– Sois tranquille, ma soeur, tout aura lieu, selon ton desir!¹ – робким, полным готовности услужить своей энергичной старшей сестре голосом произнесла младшая сестра, после чего худенькая m-lle Эми с озабоченным видом вышла сделать последние распоряжения, а madame Susonne Sept принялась за прерванное чтение желтого томика Мопассана.

Сюзанна Дероз родилась в Париже седьмого числа седьмого месяца 18.. года. И эта, как бы самой судьбою навязанная ей цифра семь² была признана самой француженкой фатальной.

– Numero sept me portera bonheur,³ – решила раз и навсегда Сюзанна Дероз и с тех пор носилась с этой цифрой, как с самым близким и дорогим ей существом.

Ведь надо же было так сложиться обстоятельствам, что и фамилия ее мужа означала тоже число семь.

Приехав после смерти monsieur Sept на заработки вместе с сестрой из ее далекой родины в Россию, madame Сюзанна решила открыть пансион «хорошего тона» для молодых девиц. Просто пансионаты, общеобразовательные и воспитательные, размножились в таком количестве за последнее время, что не стоило открывать их, по мнению предприимчивой француженки, и она решила изобрести нечто совсем новое, чего еще не встречалось в России. И этим «новым» и явился ее пансион «хорошего тона и светских манер».

По 7-й линии Васильевского острова находился этот удивительный пансион зимою; летом же он перекочевывал в поэтичные Дюны на дачу, тоже значившуюся под цифрою семь. Курс в пансионе был назначен семинедельный, и ни больше ни меньше семи воспитанниц принимались в него. Семь кроватей, семь письменных столиков, семь вешалок, семь приборов было заготовлено для них. Если почему-либо одна из пансионерок уходила, распавшееся число семь тотчас же пополнялось новой пансионеркой.

Верная своему принципу, madame Sept даже приобрела семь серебряных жетонов с цифрою 7, выгравированной на каждом, и их воспитанницы должны были носить на груди в виде шифров и лишались их при малейшем поступке, шедшем вразрез с правилами директрисы пансиона. Таким образом, в пансионе «хорошего тона» существовало даже наказание в виде

¹ Будь спокойна, сестра, все будет сделано по твоему желанию!

² Sept – по-французски означает семь.

³ № 7 мне принесет счастье.

временного лишения жетона, несмотря на то что в фешенебельное воспитательное заведение madame Sept принимались исключительно взрослые барышни, уже окончившие курс учения.

И вот прибытие в пансион двух новых воспитанниц вместо одной, сразу нарушивших главное правило о семи воспитанницах, не могло не портить светлого настроения почтенной дамы.

Восемь пансионерок вместо семи – уже одно это обстоятельство могло лишить madame Sept сна и аппетита, а тут к тому же непрошенная гостья являлась субъектом весьма темного происхождения. Солдатская дочка, excusez du peu! И это обстоятельство доставляло мучительную заботу за все последнее время почтенной директрисе и не давало ей покоя ни на один миг. А сегодня оно переживалось еще чувствительнее прежнего, ввиду скорого появления девиц.

– Эми! Эми! – отбрасывая книгу, снова позвала сестру madame Sept.

– A tes ordres, ma soeur!⁴ – появляясь, как тень, на пороге, произнесла всегда тихая Эми.

– Что делать, Эми? Что делать? – так и кинулась к ней старшая сестра. – Ну скажи, пожалуйста, откуда я возьму для этой «солдатки» восьмую постель, восьмой умывальник, столик, зеркало. Наконец, где я положу ее спать, где? Все постели заняты, нет места для нее... – с отчаянием вырвалось из груди француженки, и она вперила в лицо сестры безнадежный взгляд.

⁴ К твоим услугам, сестра!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.